

Повседневная жизнь Ставки Верховного Главнокомандующего в восприятии могилевчан (на примере воспоминаний М. Я. Белевской)

*Синковец А. Ю., асп. МГУ им. А. А. Кулешова,
науч. рук. Лавринович Д. С., д-р ист. наук, доц.*

Все большую популярность в современной исторической науке набирает история повседневности – направление, предметом изучения которого является «частная жизнь, отношения между родственниками, друзьями, каждодневные условия труда и существования, представления о мире и эмоциональная жизнь людей» [3, с. 16]. Интерес к подобного рода научным изысканиям неудивителен, ведь на практике такие исследования позволяют взглянуть на исторические реалии глазами очевидцев, полностью погрузиться в рассматриваемую эпоху.

В реконструкции повседневности особое значение принадлежит мемуарным источникам, которые позволяют не только воспроизвести фактологию событий, но и проливают свет на их психо-эмоциональный контекст. К таким источникам по истории Первой мировой войны относятся воспоминания М. Я. Белевской, посвященные описанию пребывания Ставки Верховного Главнокомандующего в г. Могилеве.

Писатель, драматург, журналист и общественный деятель Марина Яковлевна Белевская (в девичестве – Летягина) родилась в Санкт-Петербурге, окончила там Смольный институт благородных девиц и Высшие женские курсы. Незадолго до Первой мировой войны вместе со своим мужем, который был сыном горьковского уездного предводителя дворянства, она переехала в Могилев, оказавшись сторонней свидетельницей жизни Ставки Главковерха. После революции Белевская переехала в Минск, а затем – в Вильно, где в 1932 году были изданы ее воспоминания. По словам внучки писательницы, в 1940 году чета Белевских была репрессирована [2].

Сразу отметим, воспоминания М. Я. Белевской – это воспоминания обычного человека. Они не претендуют на подробное описание событий, происходивших внутри Ставки. Скорее, это попытка взглянуть на них со стороны глазами простых могилевчан. В самом начале своего труда Белевская отмечает: «Я не вхожу в оценку внутреннего смысла событий, не сужу об их политическом значении и ограничиваюсь только тем, что видела сама» [1, с. 5].

Этого обещания автор придерживается не всегда: часть материалов ее воспоминаний носит явно пересказанный характер. Причем источник информации в таких случаях указывается выборочно. Так, историю про дочь полицейстера, которая «пленила одного из молодых князей», Белевская сопроводила ссылкой на «осчастливленного папашу» [1, с. 22]. Но откуда

ей известно, как проходило прощание Николая II с офицерами Ставки, как А. Ф. Керенский проводил совещание с союзными представителями, как Н. Н. Духонин корректировал сводку о настроении и боеспособности армии, – она умолчала [1, с. 31, 37, 38]. При этом отсутствие ссылок на источники информации вовсе не уменьшает значение ее труда для историков, т. к. даже там, где воспоминания не вполне релевантны, они дают представление о том, какие слухи и домыслы имели место в трактовке событий горожанами.

Особую ценность труда Белевской составляют ее личные наблюдения. Учитывая литературный талант писательницы, они носят яркий, образный характер, но при этом не теряют точности оценок. В частности, изменения, произошедшие после принятия императором обязанностей Верховного Главнокомандующего, она описывает следующим образом: «При Николае Николаевиче Ставка была военным лагерем, деловым и строгим, с первых же дней приезда Государя она внешне потеряла этот облик. Сразу все изменилось. Приехала оперетка...» [1, с. 15]. Видимо, такое положение вещей устраивало обывателя: «До последнего момента все могилевцы, как и все русские люди, пили, ели, веселились и не думали, что уже времена приблизились, что уже бьет последний час не только для монархии, но, может быть, и для существования величайшей Империи в мире» [1, с. 24].

Если верить Белевской, Февральская революция в Могилеве прошла незаметно: «Небольшая кучка подростков 25–30 человек с пением марсельезы прошла по улицам города, пугливо озираясь по сторонам, боясь нападений. И только когда демонстранты подошли к дому Ставки (...), в них проснулась долго культивированная ненависть к царю и они начали выкрикивать оскорбления по его адресу, бить палками по стенам и срывать с дома Ставки трехцветное знамя и гербы. Толпы народа и офицеров взирали на эту дикую сцену, но не нашлось никого, кто бы остановил этих разбушевавшихся хулиганов» [1, с. 30].

Характер повседневных взаимоотношений в Ставке периода Временного правительства лучше всего передает описанный Белевской случай с генералом Алексеевым, иллюстрирующий, что солдаты могли пройти мимо своего Главнокомандующего, «даже не потрудившись отдать ему чести» [1, с. 35]. Советская власть принесла с собой другой уклад: «Все увидели, что пришла страшная сила, сила нечеловеческая и что нельзя жить так, как жили до сих пор. Могилевцы заперлись по квартирам, закрыв ставни и опустив шторы. Даже в домах стали говорить шепотом» [1, с. 42].

Литература

1. Белевская, М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915–1918 гг.: личные воспоминания / М. Я. Белевская. – Вильно: М. Ф. Соклов, 1932. – 48 с.

2. Гришанова, Л. «Дежавю» Марины / Л. Гришанова // Могилевские ведомости. – 2012. – 4 июня. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mogved.by/lyudi-i-sudby/4703>. – Дата доступа: 19.03.2015.
3. Репина, Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

Итоги военного конфликта 1609–1618 годов для Речи Посполитой

*Хайнак С. В., магистрант ГГУ им. Ф. Скорины,
науч. рук. Черепко С. А., канд. ист. наук, доц.*

Окончание военного конфликта Речи Посполитой и Российского государства 1609–1618 годов было закреплено подписанием Деулинского перемирия, состоявшегося в селе Деулино возле Троице-Сергиева монастыря, осажденного войсками королевича Владислава Вазы. Представители Речи Посполитой и России условились прекратить военные действия и заключили перемирие сроком на 14,5 года. Русские послы – псковский боярин Федор Шереметев, боярин Даниил Мезецкий и др. – вынуждены были согласиться на уступку Речи Посполитой смоленских и черниговских земель с городами Смоленском, Белой, Дорогобужем, Черниговом, Новгород-Северским и др. Но своей основной задачи, овладения престолом Российского государства, Владислав Ваза не достиг [1, с. 49].

Следует отметить, что если новгород-северские и черниговские земли были отданы под власть Польши, то смоленские земли вошли в состав ВКЛ. Королевич Владислав, ссылаясь на свое избрание в августе 1610 года русским государем, продолжал именовать себя царским титулом и претендовать на российский престол [2, с. 185].

Деулинское перемирие является крупным политическим успехом Речи Посполитой в противостоянии с Российским государством. Восточная граница Речи Посполитой отодвинулась далеко на восток, почти вернувшись к границам времен Ивана III. С этого момента и до перехода ливонских земель к Швеции в 1622 году территория Речи Посполитой достигла своего максимального размера – 990 тыс. кв. км.

Важным последствием Деулинского перемирия для Речи Посполитой, и если конкретней, то для ее составной части – ВКЛ, являлось то, что на несколько десятилетий соединились в одно целое земли, ранее отторгнутые Великим княжеством Московским. Присоединение такой территории с крупными торгово-ремесленными городами и податным населением способствовало стабилизации экономического кризиса, переживаемого Речью